

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Воображение (имагинация) как фундаментальная коммуникация бытия и сознания. Философско-эстетический аспект**Imagination as a Fundamental Communication of Being and Consciousness. Philosophical and Aesthetic Aspect**

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-12-1-12-16

Получено: 09 ноября 2022 г. / Одобрено: 22 ноября 2022 г. / Опубликовано: 26 февраля 2023 г.

В.Д. Диденко

Д-р филос. наук, профессор,
 профессор кафедры философии
 Государственного университета управления,
 Россия, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99,
 e-mail: vddidenko@rambler.ru

V.D. Didenko

Doctor of Philosophy, Professor,
 Professor of the Department of Philosophy,
 State University of Management,
 Russia, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99,
 e-mail: vddidenko@rambler.ru

Н.С. Диденко

Канд. филос. наук, доцент,
 профессор кафедры гуманитарных дисциплин
 Российской государственной специализированной
 академии искусств,
 Россия, 121165, г. Москва, Резервный проезд, дом 12,
 e-mail: nsdidenko@rambler.ru

N.S. Didenko

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 Professor of the Department of Humanitarian
 Disciplines of the Russian State Specialized Academy
 of Arts,
 Russia, 121165, Moscow, Reservnyi proezd, 12,
 e-mail: nsdidenko@rambler.ru

Т.В. Козлова

Канд. филос. наук,
 доцент кафедры гуманитарных дисциплин
 Российской государственной специализированной
 академии искусств,
 Россия, 121165, г. Москва, Резервный проезд, дом 12,
 e-mail: tatiana-koz@mail.ru

T.V. Kozlova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
 of the Department of Humanitarian Disciplines
 of the Russian State Specialized Academy of Arts,
 Russia, 121165, Moscow, Reservnyi proezd, 12,
 e-mail: tatiana-koz@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме воображения, которое рассматривается как духовная основа, фундаментальная форма коммуникации, диалога бытия и сознания, человека и мира. Авторы приходят к выводу, что имагинативная реальность является абсолютной реальностью, в которой жизнь человека приобретает реально-ирреальный характер. А выраженная в искусстве имагинация преображает реалии жизни, трансформирует тленное в вечное.

Ключевые слова: воображение (имагинация), духовная деятельность, художественная деятельность, творческая активность, имагинативная реальность.

Abstract

The article is devoted to the problem of imagination, which is considered as a spiritual basis, a fundamental form of communication, a dialogue of being and consciousness, man and the world. The authors come to the conclusion that the imaginative reality is an absolute reality in which a person's life acquires a real-surreal character. Expressed in art, imagination transforms the realities of life, transforms the perishable into the eternal.

Keywords: imagination, spiritual activity, artistic activity, creative activity, imaginative reality.

Введение

Не углубляясь в анализ механизмов и форм проявления интенциональности духовной жизни в различных сферах культуры и ее конкретно-исторических образований, отметим, что все вычлененные оппозиции духовного бытия (имманентная и трансцендентная интенции, жизнеутверждающая и жизнеотрицающая, метаисторическая и локально-эмпирическая, геоцентрическая и космоцентрическая) выражают себя достаточно отчетливо в той или иной степени во всех областях творческой деятельности, но в художественном творчестве изначальная дуаль-

ность и антиномичность духовного бытия выражаются в наиболее полном и «чистом» виде.

Из всех творческих способностей человека именно воображение, составляющее сущностную основу художественной деятельности, выступает как духовная форма сопряжения в единую реальность имманентного и трансцендентного в человеческой жизни, конечного и бесконечного, земных и космических параметров бытия, ибо в художественном отношении, пронизанном воображением, «сердце... непосредственно соприкасается с безмерным в самых малых вещах» [5, с. 145].

Дискуссия и результаты

Прежде чем говорить о механизмах и способах институализации всего многообразия интенций духовной жизни в искусстве через воображение, необходимо уточнить смысл и методологические рамки самого понятия «воображение», в котором оно будет нами интерпретироваться. Из всех многочисленных подходов к воображению, сложившихся исторически и «работающих» в современной гуманитарной науке, наиболее распространены философско-гносеологический, психологический и эстетический подходы. Схематично суть каждого из них можно охарактеризовать следующим образом. Философско-гносеологические концепции воображения, сложившиеся в основном в учениях Локка, Канта и Гегеля, трактуют воображение главным образом как одну из познавательных способностей субъекта, связывающей чувственное и рациональное знание, эмоциональное и рассудочное в познавательной деятельности. При этом акцент делается на познавательных функциях воображения, его научно-теоретической продуктивности.

Психологические теории воображения (ассоциативная У. Джеймса, инновационная А. Выготского и др.) понимают воображение как одно из особых качеств психики, стимулирующее комбинаторную, эвристическую, образную активность психической жизни человека, связанную с деятельностью памяти, восприятия, представления.

Эстетический подход к воображению, сформировавшийся в значительной мере под влиянием психологического, исследует художественное воображение как специфическую его форму в отличие от научного, религиозного, изобретательского и др., реализующегося в «способности сознания синтезировать и творчески преобразовывать восприятия и представления, создавать образы и модели бытия в соответствии с принципами художественного, духовно-практического освоения мира» [6, с. 46].

Нисколько не умаляя теоретической ценности названных общефилософского и специально-научных подходов в изучении феномена воображения, мы считаем, что эти аспекты исследования воображения могут быть дополнены его более широким и адекватным истолкованием, раскрывающим место и функции воображения не в рамках какой-либо специальной области духовной деятельности (познавательной, художественной, конструкторско-технической и др.), а в масштабах духовной культуры в целом, ее сущностных основ как фундаментальной формы коммуникации, диалога бытия и сознания, человека и мира.

С точки зрения такого подхода (назовем его культурологическим) воображение предстает в онто-

логическом своем содержании как способ существования духа, самой духовной культуры, ибо только воображение в наибольшей степени синтезирует в себе ансамбль творческих потенций субъекта (эмоции, разум, волю), все уровни психической реальности (подсознание, сознание «сверхсознание») и является наиболее полным выражением всех основных свойств духовного — его творческой природы, устремленности к должному, идеальному, новому бытию, прорыв за пределы рационального и оптимального, к новому уровню свободы. Другими словами, именно через воображение происходит превосходение человеком самого себя и естественных заданных наличным бытием условий жизни, создание той второй, «очеловеченной» действительности, которая и есть духовная культура, сердцевинной, квинтэссенцией которой является искусство.

Здесь необходимо отметить, что такую широкую культурологическую трактовку воображения как психологического способа осуществления духа и духовной культуры мы предлагаем исходя не из спорадически-интуитивных догадок или из соображений, диктуемых самой темой нашего исследования, а опираясь на идеи, развитые такими мыслителями, как Ж.П. Сартр, Н. Бердяев и в особенности Я.Э. Голосовкер, творческое наследие которого еще не оценено нами по достоинству.

В основных трудах, созданных в 30–40-х гг. прошлого века (часть из них опубликована только в 1987 г. в книге «Логика мифа»), Голосовкер разработал концепцию имагинативного абсолюта, смысл которой состоит в «раскрытии имагинации (воображения) как высшего органа познания как центра творческой силы» [3, с. 114].

«Высшим органом познания», по Голосовкеру, имагинация является не только потому, что ею творится культура, что дух в ней находит свое «полнейшее выражение», но и потому, что «культурное сознание имагинативно по своей природе и реально, то есть оно есть имагинативная реальность, которая для нас реальнее любой реальности вещной» [2, с. 118]. Настаивая на реальности имагинативного мира, т.е. мира культуры, мира, сотворенного и преображенного в духе, Голосовкер ограничивает имагинацию от выдуманного и иллюзорного, от зряшной фантазии, чреватой «коварством, прихотью, суевериями и фанатизмом», и показывает, что создаваемое воображением создается на самом деле и утверждает себя как бытие, т.е. как нечто сотворенное навеки.

Для нас важно в концепции Голосовкера наряду с приведенными выше положениями и то, что в его учении воображение показано не только как одна из творческих способностей человека, пусть и высшая, а как феномен, охватывающий и способность,

и действие, и процесс, и результат, т.е. как тотальная коммуникация. Тем самым чисто гносеологическое и психологическое содержание воображения обнаруживает и свой онтологический статус, когда имажинация предстает и как реальность психическая (внутренне-экзистенциальная), и как реальность воображаемого бытия, самого поведения и поступков субъекта имажинации, и как реальность созданного им мира — мира культуры в ставших объективированными формах.

Но самое замечательное, на наш взгляд, в концепции Голосовкера — сама идея имажинативного Абсолюта, необходимость рождения которого «была в человеке одновременно голосом культуры и природы, разорванных, враждебных, ненавидящих друг друга и тем не менее предчувственно томящихся в друг друга, ищущих взаимного соединения вне меня при неразрывности внутри меня» [3, с. 114].

И граница между бытием природным («вне меня») и бытием духовным («внутри меня») может быть и должна быть, говорил Голосовкер, преодолена, чтобы сохранялись целостность и смысл бытия. Но как это возможно, если между человеком и природой временная, пространственная и бытийственная пропасть: человек смертен — природа вечна; человек конечен — природа бесконечна; человек — существо земное, природа — это Вселенная с множеством других миров. Преодоление этой границы, воссоединение бытия человека и бытия природы происходит во времени и пространстве имажинативной реальности, ибо только в воображении человек может быть бессмертным (и мыслить свое бессмертие, и создавать бессмертные творения), в воображении он преодолевает (опять же и в представлении, и в самом деянии) свое ограниченное земное существование и прорывается к масштабам космической жизни, сливается с нею.

В развитие идей философа следует подчеркнуть, что имажинативная реальность есть, таким образом, абсолютная реальность, которая «реальнее любой реальности вещной», ибо в ней человек обретает абсолютное (вечное и бесконечное) бытие, превозмогая тленность и тщетность эмпирическое повседневности, утекающей в небытие, замыкающей, как правило, его жизнь в круге естественных, биологических потребностей. Переходя в имажинативную реальность, человек как бы превосходит сам себя и прикасается к вечности. Не в этом ли смысле идеи В. Соловьева и Н. Бердяева о богочеловеке и богочеловеческой природе творчества? «Человеческое творчество, — говорит Бердяев, — не только человеческое, оно — богочеловеческое. В этом таинственность творчества. В нем происходит трансцензус, в нем разрывается замкнутость человеческого существования» [1, с. 157].

Не об этом ли писал Ницше, обрушиваясь на мещан и «последних» людей, «которые уже и знать не знают, что такое звезда, презирать себя не могут и приговаривают: “мы счастливы, мы счастливы” — и подмигивают». Интересна в этом контексте интерпретация М. Мамардашвили идей Ницше о «сверхчеловеке». У Ницше «сверхчеловек» не есть некое реальное существо или реальная порода людей, которая была бы выше других, а есть «некое предельное для человека состояние, лишь устремляясь к которому человек может стать человеком... но есть то существо, которое может быть человеком, только если оно трансцендирует себя к сверхчеловеку. Ведь все существующее, как выразился кто-то, должно превосходить себя, чтобы быть самим собой» [4, с. 77].

В имажинативной реальности и происходитхождение человека в состояние «сверхчеловеческое», в котором относительные и ограниченные смыслообразующие факторы его существования расширяются до беспредельных горизонтов бытия абсолютного — бесконечного, вечного, вселенского масштаба. И имажинативный побуд (Я. Голосовкер) вызывает к жизни с необходимостью инстинкта философские теории, художественные образы, религиозные представления, которые, будучи порождением духа, имажинации, становятся реальностью человека культуры, его миром, в котором встречаются и становятся новой реальностью вселенная человека и вселенная природы. Поэтому именно в воображении жизнь человека приобретает как бы реально-ирреальный характер, и это двойное бытие и есть собственно человеческая жизнь, простирающаяся от потаеннейших глубин индивидуального «Я» до всей безграничности мироздания. Эта двойственность прекрасно выражена в четверостишии Тютчева:

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

И если жизнь человека протекает не в спячке духовной, не в глухой пустоте вещно-предметных границ жизни, вегетативных и прочих естественных отправлениях, то человек изначально обречен на дуальное бытие в форме названных ранее предельных интенциональных оппозиций духа, выражающихся прежде всего и в наиболее полном виде в воображении, поскольку они, а это вытекает из изложенного выше, — инварианты самой природе имажинативной реальности, а художественная деятельность инвариантна в своих наиболее существенных характеристиках деятельности воображения.

И только выявив особенности взаимообусловленности интенциональности духовной жизни субъекта, характера и типа имагинации и ее выражения в искусстве, в различных художественных системах, можно, на наш взгляд, с достаточной степенью адекватности обозначить духовно-онтологические истоки искусства как «совершенно нового бытийственного образования» (Бахтин) во всем многообразии его бытования в культуре. А это позволит, в свою очередь, конкретизировать в онтологическом аспекте положение об искусстве как о способе разрешения (моделирования) фундаментального противоречия культуры — противоречия между индивидуально-неповторимым и универсально-всеобщим в человеческой жизни.

Имманентная интенциональность духовного мира художника трансформируется в соответствующую имагинативную реальность, содержание которой выражается в образах, идеях, переживаниях, отражающих структуру и интенсивность внутренней жизни художника, реальность его собственного неповторимого душевного мира, ограниченного пределами его индивидуальной, локальной судьбы.

Этот тип имагинативного мира выражает устремленность творческого субъекта в глубину своего «Я», он есть порождение творческой рефлексии, обращенности художника к самому себе и тем сферам и границам бытия, которые схватываются и актуализируются его уникальным душевным миром. В такой воображаемой реальности даже в тех случаях, когда художник обращается к внешним процессам и явлениям, основой и центром смысло-образов произведения выступает субъективность творца, пронизывающая объективные внешние явления и подчиняющая их себе. Внешнее здесь раскрывается через внутреннее (напр., имагинативный мир Босха, Клейста, Пруста, Кафки, Дали, Филонова, Платонова).

Поэтому при доминировании в творческом сознании имманентной направленности духа оказываются ослабленными или трансформированными трансцендентная и жизнеутверждающая интенция, метаисторическая и космоцентрическая, а актуализируются и проявляются с наибольшей полнотой жизнеотрицающая, локально-эмпирическая и геоцентрическая интенции. И имагинативный мир, творимый художником, в основе которого лежит эта коррелятивная связь интенций (имманентная — жизнеотрицающая — локально-эмпирическая — геоцентрическая), несет в себе мотивы, темы, сюжеты преходящего земного повседневного бытия в его неустойчивости и обреченности, в тенденции к смерти, небытию, распаду, ибо в таком сознании ответы на все бытийные вопросы идут из глубин индивидуального «Я» художника, погруженного в трагизм и

безысходность отдельной, ничтожно малой в безмерности бытия человеческой жизни.

Здесь поиск ответов на смысложизненные проблемы, осмысление сущности человека и его места в мироздании ограничен горизонтами индивидуальной, чаще всего трагической, судьбы художника или вообще отдельного, «заброшенного» человеческого существования. И даже тогда, когда такое художественное сознание обращается к трансцендентному бытию (общечеловеческая история, космический универсум, Бог, вечность и т.д.), в творимой художественной реальности эти трансцендентные сущности как бы снижаются до земного, локального, подверженного смерти и распаду существования. В произведении, созданном в русле имманентно-эмпирической направленности духовного бытия, сама вечность, космическая гармония, Бог подвергаются испытанию преходяществу и трагизмом человеческого существования, обретают ее пространственно-временные и смысловые параметры.

Здесь нет упования на мир иной, на силы и ценности, способные извне осветить и укрепить нить человеческой судьбы, дать ему прикоснуться к вечности. Отсюда и особенности образного строения и духовного содержания такого произведения, выражающиеся в его реально-земном, «посюстороннем» наполнении в примерах, фактах и чертах реального течения человеческой жизни от естественно-биологических ее основ до проявлений социальных и духовных потенций личности, но личности такой, которая сама есть часть и звено этого естественного материального процесса.

Причем мир внутренний и внешний, представленный в искусстве, основывающемся на имманентно-эмпирической направленности духа, не всегда и не обязательно изоморфен своим вещным, предметным признакам по принципу «как в самой жизни». Поэтому, когда мы говорим о реальной, земной ускоренности имманентно-эмпирического мироотношения и художественной реальности, им порождаемой, мы не ограничиваем этот тип творчества понятием «реализм» в традиционном и расхожем смысле этого слова.

Напротив, мы исходим из того, что реальный, повседневный слой бытия (как внутреннего, так и внешнего), выражающийся в таком искусстве, может быть представлен как в формах самой жизни (реализм в традиционном понимании этого слова, натурализм, импрессионизм и т.д.), так и в условных формах с элементами фантастического, причудливого, небылого (например, искусство барокко, сюрреализм, экспрессионизм, магический реализм). Но фантастическое и условное начала в такого рода искусстве имеют своим источником повседневность, па-

радоксальность и алогичность самой человеческой жизни от inferнальных кошмаров сна до inferнальности реального бытия.

Иная имагинативная реальность продуцируется художником, творческая активность которого коренится в трансцендентной направленности его духовного мира, актуализирующей надвременное, беспредельное, космическое существование, не исчерпывающееся сферой земного и реального бытия, а устремленного к внеземному, вечному.

Заключение

Коррелируя с жизнеутверждающей, метаисторической, космоцентрической интенциями (назовем эту связь интенций трансцендентно-эйдетической), трансцендентная направленность духа утверждает себя в образах и произведениях, взламывающих реально-земное, повседневное бытие индивидуальности и выводящих отдельную и малую человеческую жизнь в контекст универсально-космического, общечеловеческого существования. Внутреннее здесь раскрывается через внешнее (например, имагинативный мир Дюрера, Эль-Греко, Гёте, Чюрлениса, Врубеля, Рериха, Булгакова).

Поэтому и тогда, когда художник трансцендентно-эйдетического мироотношения обращается к собственной судьбе, внутреннему опыту земной и реальной жизни отдельного человека, ее эмпирическому контексту, творимое им произведение поднимает и возносит локально-эмпирическое существование до всеобще-космического, преходящее и тленное трансформируется в вечное, обреченность и замкнутость человеческого бытия обретает новый смысл в контексте трансцендентных идеальных сущностей (иной, небесный мир, Бог, космическая гармония, всеобщая любовь, вечная женственность и т.д.).

При этом образный мир творца, несущий в себе предельные уровни художественной условности, идеальные, ирреальные, «потусторонние» смыслы и структуры, не есть полная и абсолютная завершенность по отношению к реалиям самой жизни; они здесь присутствуют, но уже не в своей естественно-телесной, земной форме, а в преображенно-возвышенном, универсальном значении (все религиозное искусство, а русская иконопись — в особенности, возрожденческий реализм, романтизм, символизм).

Литература

1. Бердяев Н. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация [Текст] / Н. Бердяев. — М.: Экономпресс, 2001. — 304 с.
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа [Текст] / Я.Э. Голосовкер. — М.: Наука, 1987. — 218 с.
3. Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни [Текст] / Я.Э. Голосовкер // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 106–142.
4. Мамардашвили М. Мысль в культуре [Текст] / М. Мамардашвили // Философские науки. — 1989. — № 11. — С. 75–81.
5. Тагор Р. Сочинения: В 8 т. Т. 8 [Текст] / Р. Тагор. — М.: Гослитиздат, 1957. — 423 с.
6. Эстетика. Словарь [Текст]. — М.: Политиздат, 1989. — 447 с.

References

1. Berdiaev N. Opyt eshatologicheskoi metafiziki. Tvorchestvo i obektivatsiia [Experience of eschatological metaphysics. Creativity and objectification]. Moscow, Ekonompress Publ, 2001. 304 p. (in Russian)
2. Golosovker Ia. Logika mifa [Myth logic]. Moscow, Nauka Publ, 1987. 218 p. (in Russian)
3. Golosovker Ia. Mif moei zhizni [Myth of my life]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 1989, № 2, pp. 106–142. (in Russian)
4. Mamardashvili M. Mysl' v kul'ture [Thought in culture]. Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. 1989, №11, pp. 75–81. (in Russian)
5. Tagor R. V 8 t. T. 8. Moscow, Goslitizdat Publ, 1957. 423 p. (in Russian)
6. Estetika. Slovar' [Aesthetics. Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ, 1989. 447 p. (in Russian).